

18+

Кабацкий Максим
Сергеевич

**По ту
сторону
Рейна**

Максим Сергеевич Кабацкий

По ту сторону Рейна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24257049

ISBN 9785448524271

Аннотация

Едва отгремели орудия Великой Войны, как мир вновь стоит на грани катастрофы. «Перемирие» в двадцать лет подходит к концу, в Германии настали тёмные времена... Двое французских пограничников, чудом пережившие траншеи Вердена, несут наблюдательную службу в Рейнской демилитаризованной зоне, следя за соблюдением Версальского договора. Ещё свежа в памяти людей прошлая война, а мир уже стоит на пороге новой. Для всех с каждым днём становится всё очевиднее одно – в наше время мира не будет.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

16

По ту сторону Рейна

Максим Сергеевич Кабацкий

© Максим Сергеевич Кабацкий, 2017

ISBN 978-5-4485-2427-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Значит, ты считаешь, что война уже неизбежна?

– Хотел бы я верить, что заблуждаюсь, но факты – вещь упрямая. – Беранже продолжал двигаться прямо, всматриваясь вдаль, будто пытаюсь что-то рассмотреть на горизонте. – Не прошло и двадцати лет, как мир снова пропах бензиновыми парами... – Кончил он, выдохнув печальным и слегка удручённым тоном.

– Здесь на удивление чистый воздух. – Набрав в лёгкие до предела прекрасного природного воздуха, ещё незатронутого парами цивилизации последних десятилетий, пытаюсь его приободрить, заключил я.

– Боюсь, что это ненадолго...

Шёл март 1936 года. Мы вместе с Беранже продолжали выполнять нашу работу по патрулированию Рейнской демии-

литаризованной зоны, созданной по итогам Версальского договора. По его сорок второй статье весь левый берег Рейна и пятьдесят километров справа от него объявлялись демилитаризованными – немцам было категорически запрещено размещать здесь свои войска. Так мы, французы, можем быть уверены, что наши восточные соседи не предпримут против нас военную операцию, и в случае чего наши подразделения смогут занять эту зону без столкновения с немецкими регулярными войсками.

– Побольше оптимизма! – Обнадёживающим тоном возразил я ему. – Даже в те страшные дни траншей под Верденом, когда нас травили газом, а ядовитое облако смерти скрывало перед нами всё, словно туман отчаяния, ты проявлял больше оптимизма, сжимая свою старую, но верную Fusil Lebel¹, жадно поливая свинцом сквозь туман и грозы кайзеровских империалистов!

Мы были простыми пограничниками, прошедшими ужасы Вердена и вернувшиеся живыми. Тогда мы ещё были молодыми мальчишками, попавшими на фронт, только что достигнув совершеннолетия. В те кровавые осенние месяцы, когда плакали сами небеса, обильно удобряя холодной водой земляные окопы, когда ночью спали лишь мертвецы, мы сражались с коварным и сильным врагом, пришедшим на наши земли убивать. В этом сумбурном кошмаре будто сама судьба свела нас вместе – знакомство наше пришлось на оче-

---

¹ Фр. Винтовка Лебеля.

редную тяжёлую и затяжную вылазку немцев, пытавшихся прорвать наши ряды. Пробиваясь сквозь заслоны и баррикады, они потеснили наших ребят впереди, что им временно пришлось отступить. Меня с другими товарищами послали к ним в качестве подкрепления, дабы прикрыть ретировавшихся соотечественников. Это была тяжёлая ночь, полная смертей и страха... половина нашего отряда не вернулась... А из вернувшихся прошли войну только лишь единицы счастливых вроде меня, отмеченных самой судьбой.

Укрепления подчистую были разрушены молниеносными атаками немцев – стоило нам только подобраться ближе, как я заметил за спиной отступавших среди грязной земли и остатков баррикады солдата, тщетно пытавшегося вытащить из под груды обломков придавленную ими ногу. Он, вцепившись своими руками в винтовку, словно коршун в спину своей добычи, отчаянно отстреливал наступающих немцев, которым оставалось всего что-то около сотни метров до нашей позиции. Видя всеобщий хаос и страх в глазах отступавших (большинство из которых были новичками; Верден был для них местом первой, и для многих – последней битвы), испытывая смешанные чувства, я, одновременно ведомый и инстинктом, и приглушённым криком рассудка, не растерявшись, занял выжидательную позицию и начал прицельно отстреливать наступавшие на нас ряды противника, уже принёсшие смерть на наши земли. Руки дрожали – до этого приходилось убивать неприятеля, но каждый раз...

я тогда ещё не привык к этому. В ту ночь мне удалось уложить в землю троих оккупантов – правда, высадив в них весь магазин...

Это была одна из моих первых серьёзных вылазок. Как ни странно, удача оказалась на нашей стороне – немцы, большая часть которых с той стороны также состояла из «новичков», не ожидали столь быстрого прихода нашего подкрепления; пока они оцепенели, застыв в растерянности и нерешительности, мне удалось подобраться поближе и помочь солдату вытащить застрявшую ногу. Мы быстро ретировались, рискуя словить пулю в спину. Стоило нам только отойти на несколько десятков метров, как немцы мигом взяли покинутую всеми позицию. Но тогда было только что-то около полночи... в ту тяжёлую и длинную ночь, полную смертей и нескончаемых увечий, эти укрепления переходили из одних цепких лап в другие раз шесть или семь – всё происходило столь быстро, что мозг не успевал запоминать все детали, цепляясь лишь за одну потаённую мысль, полную надежды и веры – выжить. Выжить в этих страшных траншеях смерти любой ценой.

Ужасы Вердена... эта история дней давно минувших, кажущаяся сейчас совершенно невыносимой. Но с каждым годом эти события начинают не забываться; воспоминания о них – они, будто предвестник грядущей бури, начинают становиться раз от раза только сильнее. Мы живём в тяжёлые времена – в те, когда лишь малая искра может возбудить

пламя неугасаемой смертоносной войны...

– Тогда мы были совсем юнцами... С годами начинаешь осознавать, что энергия молодости порою заслоняет странной пеленой рассудок, вынуждая идти на решительные действия ради победы...

– Значит, этому юношескому порыву мы и должны быть благодарны за то, что пережили те смутные времена.

– Пережив одни времена, мы с тобой становимся свидетелями других, не менее тёмных времён...

Сейчас для меня удивителен тот факт, что в ту ночь на краю гибели оказался Беранже а не я. Тогда мы мало чем отличались – во многом наши характеры сходились, но после войны я начал замечать, что слова и мысли моего верного компаньона жизни наполнены пронизательным и глубоким смыслом... Даже сейчас, пытаясь возражать ему, дабы поднять настрой, я ловлю себя на мысли, что всё так и есть. Он прозорлив и умен... действительно странно, что тогда не я оказался на его месте, когда он стоял на волоске от смерти. Такова воля случая – любой человек может погрязнуть в вечном мраке, сгинув в губительной бездне смерти...

Дело было к вечеру. Мы двигались на юго-запад от Эльтвилля вдоль правого берега Рейна, осматривая позиции на наличие немецких войск. Пока всё было спокойно и нам на глаза не попадалось ни одного немецкого солдата. Не только за все эти долгие годы, но и особенно в последние три – когда остаток демократических сил в Германии пал

и на их место пришли силы, намеревающиеся выплеснуть едкую горечь поражения, решительно пересмотрев Версальский договор и поставив под сомнение суверенитет народов, чья независимость им и гарантирована. Не считая отказа выплачивать репарации и введения всеобщей воинской повинности пока никаких других серьёзных нарушений Договора замечено не было. Остро стоит вопрос о Рейнской демилитаризованной зоне – если и это положение будет нарушено, то всё то, что лежит к западу от Германии уже нельзя будет защитить от бесчисленных орд марширующих войск.

Природа, играющая весенними красками, в эти дни была особенно хороша – это место, будучи единственным в стране лишённым власти милитаристов, цвело на глазах; никакой свист птиц, рассеявшихся на цветущих дубах и никакой лучик вечернего солнца не были способны причинить делу мира ничего плохого. Наоборот, бродя по таким местам ранней весной, начинаешь проникаться мыслью о том, что война – лишь очередное оскорбление всей природы вещей. Но увы, не всем умам Человечества суждено это понять...

Но сейчас была весна наоборот – «цветущая осень», если можно так выразиться. Не в атмосфере, так в сути последних событий чувствовалось, что вот-вот настанет время решительных действий...

– Хватит о былом. – Сказал я, аккуратно пытаюсь отойти от горечи дней давно минувших. – Тогда мы ни один раз были на волоске от смерти, выручая друг друга из тяжёлых пе-

редряг...

– По крайней мере, в одном я с тобой полностью согласен – природа здесь просто замечательная...

Мы продолжали двигаться вперёд. Неподалёку от нас виднелся могущественный Рейн – бегущая с альпийских гор могучая река, проложившая свой маршрут до самого Северного моря. Он на удивление был спокоен и стоичен: его воды медленно, но верно двигались вперёд, параллельно нашему шагу на юго-запад. Берега по его обе стороны были плодородны; весна только началась, а прибрежные луга уже зеленели цветнее яркого солнечного луча. Подходил к концу лишь шестой весенний день, на удивление тёплый и чистый; уже богатые на природную красоту земли цветут и пахнут – весна пришла сюда очень рано.

Справа от нас мелькал редкий, то исчезающий вдалеке, то подходящий к нам почти вплотную, маленький, но замечательный дивный лес, из которого доносились жизнерадостные звуки природы. Впереди же, за горизонтом солнце аккуратно спускалось вниз, устремляясь в свой надр, бросая жёлто-красные лучики приятного душе света. Небеса были оранжево-фиолетового оттенка, образуя при этом интересные и загадочные фигуры, способные заставить задуматься о многом. Даже и не верится, что ранняя весна может быть такой красивой и совсем не испорченной перележавшим снегом.

– Скоро надо останавливаться. – Сказал мне Беранже

уоставшим после долгого дня голосом. – Минут через тридцать разобьём лагерь.

– Поддерживаю. – Одобрительно бросил я. Идём весь день – надо будет как следует передохнуть, подготовившись ко дню грядущему.

Наблюдатели в демилитаризованной зоне были разными; одни сидели в городах и посёлках, иногда на импровизированных дозорных постах, наблюдая за тем, чтобы никакие войска не приближались к зоне их контроля; другие же, такие как мы, были разбиты на мобильные отряды и следили за потенциальным передвижением в местах, отдалённых от городов – учитывая здешние расстояния между населёнными пунктами, пока армия дойдёт до ближайшего, уже вторгнувшись в демилитаризованную зону, может пройти несколько часов, а такая задержка для нашей страны может оказаться абсолютно непростительной.

Мы были во втором-третьем эшелоне; периодически наши отряды «перетасовывались», менялись местами позиции наблюдателей. В этом была некоторая логика, но иногда мне казалось, что лучше всем оставаться на своём месте, поскольку уже известны особенности рельефа и природы, но приказ есть приказ. Сейчас мы как раз двигались к третьему со второго, чтобы поменяться с коллегами местами и продолжить наблюдение на другом берегу напротив Бингена. Разница между вторым и третьим эшелоном не особенно заметна, но обычно наблюдатели чувствуют себя спокойнее

подальше от восточной границы зоны...

Интересна была судьба у первого эшелона – у тех, кто находится непосредственно на самом конце демилитаризованной зоны, на пятидесятом километре правого берега Рейна. Как правило, туда отправляют солдат регулярной армии, либо «увольняя» их, временно переводя в запас, либо посылая открыто, что происходит гораздо реже. Есть в этом определённая логика – мы же всё-таки наблюдатели, следящие за миром и порядком, а не оккупанты; нельзя давать пропагандистской машине коричневого монстра предлога обвинить нас в оккупации немецких земель – это может нам дорого стоить.

Нам не приходилось бывать в первом эшелоне – может, оно и к лучшему. Хоть мы и были отставными солдатами. Всё же нужны и люди, которые будут следить за обстановкой на местах не только на границе области – территория демилитаризованной зоны довольно обширна, и немецкие войска, знающие эту землю как родную, без труда могут найти брешь в нашей «обороне» и проникнуть внутрь; тем более ничто не мешает гражданскому правительству организовать что-то на местах непосредственно внутри самой территории... Контроль всегда важен – равно как и соблюдение договоров.

Снаряжение у нас было универсальным – им, как правило, оснащались не «сидячие», а так сказать, «бродячие» отряды, типичными представителями которого мы вдвоём и бы-

ли. Было всё – походные принадлежности вроде компаса, бинокль, спальные мешки, фотокамера, – на случай фиксации нарушений, – и даже... оружие. У нас на руках было по Revolver Modèle 1892² и ножу. Это уже была наша личная инициатива – трофейная память минувших дней и нож, часто использовавшийся нами в мирных, походных целях. А револьвер... револьвер был спрятан в кобуре на всякий случай. Нам не разрешали носить оружие – только три года назад после известных событий мы решили «перестраховаться». На моей памяти нет инцидентов, когда кому-то из наблюдателей угрожали или пытались применить к ним силу, создавая потенциальную ситуацию для применения оружия – но в наше столь беспокойное время нельзя быть уверенным в своей собственной безопасности...

Беранже усердно осматривал окрестности – вот уже как минут пять я заметил за ним эту особенность поведения. Он не был параноиком, но в наше беспокойное время всем надо быть начеку.

– Что же, пора приземляться. – Проронил он, предварительно остановившись и «пробежавшись» биноклем по линии горизонта.

Место было выбрано весьма удачно. Шагах в пятидесяти от нас по левую сторону воды Рейна умиротворённо протекали вдоль берега, чей стоический покой нарушался разве что приятным дуновением тёплого ветра, создающим мел-

---

² Фр. Револьвер образца 1892 года.

кую рябь на верху всё ещё холодных вод. Не успела отстучать свои первые шаги весна, а трава уже была зеленее богатых на растительность тропических джунглей; всё цвело и пахло новыми, успокаивающими душу красками. Но спокойнее от этого не было – в любой момент всё могло измениться коренным образом.

– Прошёл почти год с того дня... – Располагаясь неподалёку от берега, Беранже с тоской в голосе проронил. – Фронт Стрезы спустил всё на тормозах...

– Всеобщая воинская повинность... – Понимая, к чему клонит мой друг, сказал я, сев справа от него и устремив свой взор на могучие сильные воды Рейна.

– Немцам ничего не угрожает – в мирное время таких мер не предпринимают. Не к добру всё это.

Когда в середине марта того года в Германии ввели всеобщую повинность, мы сильно насторожились, продолжая выполнять нашу опасную и с каждым днём всё более рискованную работу. До сих пор их войска не подходили к Рейну, но с каждым годом шаткое положение мира становится всё более неустойчивым; одно принятое решение может оказаться фитилем новой бомбы, который приведёт к ещё более опасному конфликту и противостоянию, нежели чем сараевская.

– Считай, спустя десять лет после Рура.

– Да... – Беранже, опустив голову, вспоминая наше прошлое, продолжал отвечать мне. – Сколько тогда погибло?

Чуть меньше полторы сотни?

Мы застали с ним Рурский кризис 1923 года – тогда мы патрулировали земли близ Ахена, частенько пересекаясь с нашими бельгийскими друзьями. Веймарская республика специально затягивала с выплатой репараций, пытаясь всеми правовыми и не только средствами сорвать платежи; мы вместе с нашими бельгийскими коллегами не могли мириться с таким положением дел, по сути оскорбительным против воли наших народов – Германия должна была возместить все те страдания, которые пережили наши земли в те тяжёлые годы Великой Войны. Мы не просили ничего лишнего – только вернуть деньги за разрушения и боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.